

# ЧЕЛОВЕК ЧИТАЮЩИЙ

---

DOI 10.37386/2305-4077-2025-3-53-69

**Е. К. Созина<sup>1</sup>***Институт истории и археологии Уральского отделения РАН;  
Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)*

## Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК КАК АВТОЧИТАТЕЛЬ

Вопрос о толковании писателем собственных произведений ставился в науке со времен Ф. Шлейермахера, который называл автора «первочитателем» своих произведений и считал важным понять, что значит замысел произведения «в нем самом», «какое значение он имеет для всей совокупной жизни» художника. Но далеко не всегда писатель выступает как «первочитатель» своего текста, его суждения подобного рода фиксируются крайне редко, чаще всего мы получаем отклик автора на свое произведение, данный позднее и вызванный каким-либо случаем. Достаточно часто позиция автора в отношении собственного творчества выражает мнение определенного писательского круга, следует также учитывать его воспитание, семейное окружение и контекст времени. Объектом внимания в статье является авточитательская позиция популярного писателя последних десятилетий XIX и начала XX века Д. Н. Мамина-Сибиряка. Это его творческая самооценка, представления о литературном процессе, о своей творческой личности, положении в современной ему литературе. Мамин-Сибиряк не очень любил высказываться о своих произведениях, неоднократно подчеркивал, что литература интересует его главным образом как источник заработка. Однако в действительности его волновали и отзывы критиков, и свой писательский статус. В 1880-е гг. он оценивал себя как одного из нового поколения писателей и в письмах брату пытался обосновать своеобразие собственного творчества. Источником исследования служат, главным образом, письма Мамина-Сибиряка, а также дневники Ф. Ф. Фидлера, взятые в широком контексте высказываний современников и критиков.

**Ключевые слова:** автор, читатель, творческое самосознание писателя, контекст, письма, литературное поколение, критика

**E. K. Sozina***Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian  
Academy of Sciences; Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)*

## D. N. MAMIN-SIBIRYAK AS AN AUTO-READER

---

<sup>1</sup> Елена Константиновна Созина – доктор филологических наук, профессор, зав. центром истории литературы Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; профессор Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: es8591@yandex.ru.

The issue of a writer's interpretation of their own works has been under study since the time of F. Schleiermacher, who considered the author to be the "first reader" of their works; he found it important to understand the concept of a work "in itself", and "what significance it has for the entire life" of the artist. But by no means always the writer acts as a 'first reader' of his text, his judgements of this kind are recorded very rarely, more often we get the author's response to his work, given later and caused by some incident. Quite often the author's position in relation to his own work expresses the opinion of a certain writer's circle, one should also take into account his upbringing, family environment and the context of the time. The object of attention in the article is the auto-reader's position of the popular writer of the last decades of the 19th and early 20th century D. N. Mamin-Sibiryak. This is his creative self-assessment, ideas about the literary process, about his creative personality, his position in the literature of his time. Mamin-Sibiryak was not very fond of expressing himself about his works, repeatedly emphasised that literature interests him mainly as a source of income. In reality, however, he was concerned about both the critics' reviews and his own status as a writer. In the 1880s he assessed himself as one of the new generation of writers and in letters to his brother tried to justify the originality of his own work. The source of the study is mainly Mamin-Sibiryak's letters, as well as F. F. Fidler's diaries, taken in the broad context of the statements of contemporaries and critics.

**Keywords:** author, reader, creative self-consciousness of the writer, context, letters, literary generation, criticism

Вопрос о том, как писатель понимает или толкует свои собственные произведения, является для филологии важным, но не самым первостепенным. Это было закреплено еще в начальные годы развития европейской герменевтики: «Филолог понимает оратора и поэта лучше, чем он сам себя понимал, и лучше, чем его понимали современники. Ибо он доводит до сознания то, что у них было неосознанным фактом», – цитирует Х.-Г. Гадамер Х. Штейнталя (1889 г.) [Гадамер, 1988, с. 241]. Мнение о необходимости установить, «что хотел сказать автор», было основательно поколеблено в эпоху рождения рецептивной эстетики и критики и прокламируемой постструктурализмом «смерти автора». И тем не менее, узнать, что автор думает о своем создании, стремится любой читатель. Желание или стремление это следует признать вполне законным: оно выражает не только тягу обывателя к узнаванию подпольных тайников души и жизни «гения» (или просто таланта), но и понимание филологом той простой истины, также открытой на заре развития герменевтики, что автор является первоначальным читателем своего текста, а первоочтение, как известно, подчас и дарит истину. Вот что писал по этому поводу Ф. Шлейермахер: «Первая задача, стало быть, понять единство произведения как факт в жизни его автора. Спрашивается, как писателю явилась мысль, из которой развивается целое, т.е. как она соотносится со всей его жизнью, и как момент возникновения соотносится с прочими моментами в жизни автора?» [Шлейермахер, 2004, с. 176]. Но

этот вопрос он называл внешним и более важной считал задачу понять, «что этот замысел значит в нем, или какое значение он имеет для всей его совокупной жизни? <...> что означает истинный, внутренний зародыш произведения, замысел в жизни автора?» [Шлейермахер, 2004, с. 177]. «Большая часть критической задачи состоит в различении того, что принадлежит самому писателю и того, что ему ошибочно приписывается. Здесь речь идет о воссоздании авторской медитации» [Шлейермахер, 2004, с. 222]. Таким образом, как комментирует Гадамер, подлинное понимание является для Штейермахера «не отождествлением с первоначальным читателем, а отождествлением с автором, благодаря которому текст раскрывается как своеобразная манифестация жизни этого автора» [Гадамер, 1988, с. 239]. «Проблема Шлейермахера, в сущности, – добавляет он, – не проблема темной истории, а проблема темного “Ты”» [Гадамер, 1988, с. 239].

С концепцией психологического (или «технического», в терминологии Шлейермахера) понимания автора и его текста полемизировал М. М. Бахтин, да и весь XX век внес немало коррективов и новых позиций в интерпретацию «проблемы автора», а равно и «читателя». Как автор творит своего читателя, так читатель создает своего автора – процесс этот обоюдный, опосредованный текстом, хотя нередко читатель обходится и без посредника: так возникают читательские мифы, порой весьма далеко отходящие от авторского текста.

Обращаясь к высказываниям Д. Н. Мамина-Сибиряка о своем творчестве, будем помнить об установках Шлейермахера: на данный момент они представляются нам более актуальными, чем последующие, более современные модели. Уточним, однако, такой немаловажный факт. Далеко не всегда писатель выступает как именно «первоочитатель» своего произведения, по крайней мере, его суждение подобного рода фиксируется крайне редко, чаще всего мы получаем отклик автора на свой текст, данный *post factum* и вызванный каким-либо случаем – критической статьей, высказыванием современника, обстоятельствами жизни и пр. Этот опосредующий фон или контекст помогает лучше понять и самого автора, хотя его позиция в отношении собственного творчества зачастую выражает мнение определенного писательского круга, не говоря о его воспитании и семейном окружении, а еще шире – так называемый «дух времени». Следовательно, все эти моменты также можно «прочитать» через эксплицитно выраженную точку зрения автора, и не только прочитать, но и восстановить, используя дополнительные привходящие материалы. Иногда оказывается более интересной даже не индивидуальность, а типологичность писателя, его репрезентативность для своего поколения и своей среды.

Д. Н. Мамин-Сибиряк<sup>2</sup> не очень любил высказываться о себе-писателе и своих произведениях, об этом вспоминала и М. К. Куприна-Иорданская («Говорить о своих произведениях Дмитрий Наркисович не любил» [Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях..., с. 179]), и Ф. Ф. Фидлер («В довольно презрительном тоне говорил о собственных сочинениях; не придает им ни малейшего значения» (12 авг. 1892) [Фидлер, 2008, с. 96]) – оба довольно хорошо знали писателя и тесно общались с ним в петербургские годы его жизни. Мамин в ту пору был популярен и чрезвычайно продуктивен, но, читая подряд его письма родственникам, а также иным лицам, получаешь устойчивое впечатление, что литература его интересовала главным образом как способ зарабатывания денег. Это обстоятельство, конечно же, не случайно и не объясняется повышенной «меркантильностью» Мамина-Сибиряка. В XIX веке было немного писателей, живших исключительно на литературный заработок, не имевших никаких иных средств к существованию – ни наследства, ни родового имущества, ни даже журнала (как у некоторых адресатов Мамина, редакторов-издателей «толстых» журналов). В. Р. Лейкина-Свирская в книге об интеллигенции в России указывала, что «Литературная профессия как трудовая профессия, дающая средства к существованию, сложилась в России всего за 2–3 десятилетия до падения крепостного права» [Лейкина-Свирская, 1971, с. 233], и чаще всего писательская работа соединялась со службой. Возможность существования литературным трудом – главным образом благодаря развитию журнально-газетного и издательского дела – во второй половине века открыла дорогу в литературу множеству разночинцев, в том числе бывшим семинаристам. Таким был и Мамин-Сибиряк, выходец из духовного сословия, в плане семейной и личной необеспеченности схожий, например, с еще одним уральским писателем, Ф. М. Решетниковым, а равно – с А. П. Чеховым, хотя и личная, и литературная их судьба сложилась по-разному. С Чеховым Мамина сближает также то обстоятельство, что обоим приходилось в течение всей жизни содержать семью родственников: Мамин до самой смерти регулярно, раз в месяц посылал деньги матери («стипендию», как он это называл), а писал ей и вовсе раз в неделю. Помогал братьям, иногда своей сестре, после смерти Марии Морицовны Гейнрих-Абрамовой (своей второй, гражданской, жены)

---

<sup>2</sup> Говоря о Д. Н. Мамине-Сибиряке, мы опираемся, главным образом, на свод его писем, из которых в настоящее время опубликован первый том [Мамин-Сибиряк, 2024], второй готовится к изданию, а также на воспоминания современников и записи Ф. Ф. Фидлера, немало сделавшего для сохранения всех мельчайших деталей разговоров и жизни писателей рубежа XIX–XX вв. [Фидлер, 2008]. Отзывы критиков, которые мы используем весьма избирательно, дают необходимый дополняющий контекст, высвечивающий личность писателя и его суждения о литературе.

растил и обеспечивал ее сестру Лизу, помогал отцу Марии Морицевны старому М. Г. Гейнриху, отдавал немало сил и средств на лечение и воспитание любимой дочери Аленушки (ребенок был болен с рождения). Поэтому, повторяю, на свое творчество он смотрел довольно прагматически – «с харчевой точки зрения», как выражался в письме к брату [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 821]. Рассказывая матери или брату о публикации своих произведений, он всякий раз указывал сумму, которую за них получил или должен был получить в журнале. Но забота о гонорарах имела для него и принципиальный характер – это была позиция, которую он занимал вполне осознанно с самого начала литературной деятельности.

«...Очень странные эти литераторы – денег нет, а между тем тот же Златовратский говорит, что вот уже три месяца как не написано ни одной строчки, а все обдумывает какую-то “большую вещь”. Может быть, это и хорошо в литературном отношении, но в практическом никуда не годится. Нужно смотреть на литературный труд как и на всякий другой, необходимо сидеть и работать, а не ждать вдохновения...» (матери, 26 ноября 1885 г.; здесь и далее подчеркивание наше, курсив – авторский. – Е. С.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 316]. Резко отделяя себя от писателей-«корифеев», которым позволено не заботиться о хлебе насущном, в письмах, отражающих его реальную жизнь, Мамин предстает своего рода литературным пролетарием, которому некогда заботиться о художественном совершенстве текстов: «Неудачи нашего брата как-то всегда связаны с денежными расчетами, и это усугубляет неприятность. Но ты можешь смело не огорчаться моими литературными неудачами: Тургенев по 9 раз переделывал все свои статьи, а я едва успеваю написать черновую и, если переделаю два раза, то прихожу в некоторый ужас от такого барства работы» (30 ноября 1885 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 318]). Через год обещает матери: «В эти года мне приходилось печатать много несозревших вещей, но ведь не всегда так будет – вот поправлюсь с делишками, и тогда уж заведем настоящий “штиль” в борзописании и будем переделывать каждую вещь раза по три и больше» (12 января 1886 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 327].

Тема эта продолжается и дальше, летом 1891 г., живя на даче, Мамин пишет о напряженном ритме литературного труда и жизни: «...работаю не покладая рук. Пишу, пишу и пишу, как никогда, – лето я обыкновенно отдыхал» [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 378]. Перечисляет, в каких журналах публикуется, оценивает толстый журнал как дающий «неверный» заработок («то густо, то пусто»), в отличие от «маленькой газетенки» («Русская жизнь»), которая «лучше большого журавля». Перечисляет, что и сколько пишет, и добавляет: «...в переводе на “язык простых копеек” значит следующее: в месяц у меня занято 8 дней обязательной фельетонной работой, за каковую получаю от 120 р.

до 200 р.» (матери, 2 июля 1891 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 378]. Этой «политике» он учит и брата: «...Мы гонимся не за большим: не честь, не имя, не известность нам нужны, а частица презренного металла, которая спасла бы нас от голода и холода и дала возможность поработать спокойно года два, не думая о завтрашнем дне» (24 декабря 1882 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 803]. Отсюда – его ликование, когда он наконец получил «письмо от самого Салтыкова» о том, что его очерк «Золотуха» принят в «Отечественные записки» и будет напечатан с гонораром по 100 р. за печатный лист (30 декабря 1882 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 804]. «Можешь быть совершенно спокоен за свою финансовую судьбу, только знай учись...» – пишет он в связи с этим событием брату.

Постоянная забота о заработке и соответствующее отношение к своим «статьям» (как он называл свои произведения) формировала достаточно спокойное отношение к отзывам критики. По поводу публикации в «Деле» первого и до сих пор считающегося главным романа из «уральского цикла» «Приваловские миллионы»: «...я и не рассчитывал на успех этого романа у рецензентов, как на незаслуженные похвалы моим маленьким рассказам. И то и другое одинаково несправедливо, и мне плевать на критику, которая ничего не смыслит» (брату, 6 марта 1883 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 809].

Вместе с тем, судя по признаниям писателя в письмах, он неизбежно сравнивал себя с другими писателями: если Тургенев, Гоголь, Толстой были на почти недостижимой высоте (хотя отношение Мамина к Л. Н. Толстому менялось), то авторы из так называемой «чеховской артели»<sup>3</sup>, вступившие в литературу к концу 1870-х гг., составляли его круг общения и задавали своеобразную планку творческих притязаний. В связи со статьями А. М. Скабичевского он писал: «Мне просто смешно читать эти критические глупости, и, право, на них никто не обращает внимания. У меня есть свое маленькое литературное имя – и совершенно достаточно. Мне всего 33 года. Чего же больше? Я ведь не мечтаю быть Гоголем или Тургеневым... никогда. Что касается моих “собратьев по перу”, то мне положительно завидуют, то есть моему быстрому успеху. Всего 4 года, как я пишу, а ведь начинающие “молодые” литераторы пишут более 10 лет, как Гаршин, Альбов, Салов и т. д. Но прежде всего я не тшусь лезть в зна-

---

<sup>3</sup> Выражение закрепилось в науке благодаря оценке Чехова в письме В. А. Тихонову (1889): «Я... верую в то, что каждый из нас в отдельности не будет ни “слоном среди нас” и ни каким-либо другим зверем и что мы можем взять усилиями целого поколения, не иначе. Всех нас будут звать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Баранцевич, не Бежецкий, а “80-е годы” или “конец XIX столетия”. Некоторым образом, артель» [Чехов, 1976, с. 174].

менитости: Аллах видит мою великую скромность» (матери, 12 января 1886 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 327]. Он пробивался в литературу и жизнь исключительно своими силами, своим талантом и неустанным трудом. Об этом неоднократно упоминает в своих записях неутомимый летописец литературной жизни Петербурга Ф. Ф. Фидлер: «Его продуктивность удивительна. Он начал писать в 1873 году и опубликовал к настоящему времени шестьсот печатных листов; еще четыреста листов – в рукописи... Пишет в год не меньше пятидесяти листов» (запись от 23 октября 1892 г.) [Фидлер, 2008, с. 99]. «Да, у меня есть преимущество перед многими русскими писателями: я – *хоррооший работник*», – признавался сам Мамин (запись от 6 октября 1898 г.) [Фидлер, 2008, с. 224].

С началом постоянного проживания в Петербурге Мамин постепенно входит в писательские сообщества, в письмах периодически описывает писателей и критиков, с которыми встречается в разных местах Петербурга, жалеет, что не уехал в столицу раньше, «в середине 80-х гг., тогда многое бы в моей материальной карьере было бы иначе. В нашем деле еще больше кумовства и сватовства, чем во всяком другом» (22 января 1892 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 399]. 31 декабря 1892 г. сообщает матери о встрече Нового года в редакции «Русского богатства», которое «возрождается» во главе с Н. К. Михайловским, что Мамина радует. Постепенно положение его в писательско-журнальных кругах упрочивается (становится членом «Литературного фонда», «сошелся с толстовцами»), и это его тоже радует...

Критика и в самом деле не слишком часто обращалась к творчеству Мамина-Сибиряка. М. К. Куприна-Иорданская вспоминала: «Критика почему-то замалчивала его, и это его глубоко оскорбляло. – Я подарил им целый край с людьми, природой и всеми богатствами, а они даже не смотрят на мой подарок. Мое время еще не пришло, – говорил он, – но оно придет, меня поймут и оценят только в будущем» [Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях..., с. 179–180]<sup>4</sup>. Пожалуй, более всего Мамина волновали или обижали публикации А. М. Скабичевского середины 1880-х гг.: «Как я уже писал раньше, мой роман встречен Скабичевским в “Новостях” очень неприязненно<sup>5</sup>, с той тупой, чисто петербург-

---

<sup>4</sup> Ср. высказывание А. П. Чехова, записанное И. Н. Потапенко: «Мамин принадлежит к тем писателям, которых по-настоящему начинают читать и ценить после их смерти. И знаешь почему? Потому что они свое творчество не приурочивали к преобладающему направлению...» [Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях..., с. 220–221].

<sup>5</sup> В романе «На улице (1886) (в отдельном издании 1900 г. – «Бурный поток») сатирически изображались быт и нравы столичной интеллигенции; роман служил своеобразным продолжением романа «Горное гнездо», в нем описывались, в том числе, судьбы тех же



ской злостью, которой не знает провинция. Меня эта критика не задевает, – мы сами по себе, черт с ними со всеми... эта фельетонная критика жует и пережевывает старую жвачку, которую давно пора бросить к черту. Новое время, новые люди, новые слова, а тут шипят и лают газетные лайки...» (матери, 30 марта 1886 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 349]. Обратим внимание: Мамин оценивает себя как одного из *нового поколения* писателей. Именно об этом, собственно, и шла речь в статьях Скабичевского. На протяжении 1880-х гг. в критике постоянно муссировались даже не идеи, а, скорее, тезисы о 80-х годах как времени общественного застоя и «сумерек», «общественного мещанства» (Р. В. Иванов-Разумник), о «новом поколении» писателей как выразителях этой эпохи, вступивших в литературу, как уже было сказано выше, во второй половине 1870-х гг. Скабичевский видел в их творчестве две основных тенденции: пессимизм, «плач по утерянному и неосуществленным идеалам», обостренный психологизм, – и «сенсуализм», который он связывал с увлечением творчеством Э. Золя [Скабичевский, 1889]. В это поколение включали обычно В. М. Гаршина, М. Н. Альбова, К. С. Баранцевича, И. И. Ясинского, И. Н. Потапенко, И. Л. Щеглова, иногда И. А. Салова; Мамина-Сибиряка – гораздо реже, хотя в обзоре русской литературы за 1885 г. Скабичевский выделил группу так называемых «беллетристов-культурников», куда, кроме прочих, ввел и Мамина, – это, по его словам, «нравоописатели культурного быта и интеллигентных верхов» [Скабичевский, 1886]. Следует отметить, что позже тот же Скабичевский обратил на Мамина гораздо более пристальное внимание: его статья «Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк», опубликованная в «Новом слове» (1896, кн. 1, октябрь), стала основой большого очерка о писателе в двухтомном собрании сочинений критика. С одной стороны, здесь он по-прежнему присоединял Мамина к группе молодых писателей, вышедших из 1870-х гг., но при этом делал несколько оговорок за счет принципиально *непетербургской* манеры его письма, связанной с его происхождением с «восточной окраины» империи. Скабичевский отнес Мамина к группе писателей-разночинцев (среди которых упоминались Ф. М. Решетников, А. И. Левитов, Г. И. Успенский и др.), «выходцев из различных медвежьих углов и лесных дебрей», которые сами не осознают своей силы, но которых легко победить «любому вертлявому боксеру», знающему технику боя, т.е. писателю, обладающему чутьем формы («Из любого произведения Д. Н. Мамина Золя выкроил бы десяток романов») [Скабичевский, 1903, с. 601, 605]. Мамин у него – «мрачный пессимист», «жестокий талант, ужасный писатель» и «художник-философ», философия же его толковалась в духе примитивного биологического натурализма: «взаимопоедание» друг

---

героев, приехавших в Петербург.



друга как в природе, так и в обществе. В целом, проблема непонимания критиками, к какому направлению отнести Мамина, сохранялась и впоследствии, долгое время за ним шла слава писателя-этнографа.

О причинах этого размышляли некоторые проницательные современники Мамина, но в основном – когда писателя уже не стало. «Есть задачливые люди и есть незадачливые. Одним жизнь – скатертью дорога, другим – вся загорожена волчьими ямами, проволочными заграждениями. <...> Жизнь не задавалась Мамину. <...> И размеры этой величины в широких слоях публики не повышались и не понижались, а именно оставались на мертвой точке признания и забвения», – писал С. Я. Елпатьевский [Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях..., с. 207–208]. По мнению Е. А. Колтоновской, Мамин «совершил свой долгий и трудный литературный путь каким-то таинственным незнакомцем», причины же она видела в том, что «этот своеобразный, стихийный талант был по природе чужд основному духу русской литературы, и пути его прошли в стороне от тех граней, в которых пролегло ее главное русло» [Колтоновская, 1913, с. 199]. Известный исследователь творчества Мамина-Сибиряка И. А. Дергачев объяснял этот историко-литературный парадокс: обилие произведений Мамина и непонимание со стороны критики – тем, что творческая индивидуальность Мамина действительно не укладывалась в привычные направления тогдашней литературы, он стоял в стороне от кружков и «идейных тенденций». В строку к этой точке зрения ложится и высказывание современника Мамина, писателя и критика С. Н. Филиппова: «Настоящий, талантливый, выдающийся писатель, которого наша критика потому и не признает, что он – чистый художник, лишенный тенденциозности» (запись от 13 июля 1904 г.) [Фидлер, 2008, с. 378]. И. А. Дергачев определил метод писателя как «прагматический реализм» – аналог реализма «социального» и полагал, что в его творчестве складывалась новая романная модель, на которую очень сильно влиял характер очерковой типизации и которая стала востребованной уже в XX в. [Дергачев, 2005, с. 10–43 и др.]<sup>6</sup>.

Эти суждения интересно соотнести с представлениями самого Мамина о смысле и сути творчества, о своем писательском методе. Он высказывал их крайне редко, пожалуй, наиболее развернутое автоопределение себя как художника определенного типа можно найти только в его письме к брату Владимиру от 3 марта 1884 г., что, по-видимому, было вызвано задачей воспитания у брата правильного понимания современной литературы. Мамин был тогда еще очень молод, но принципиально его позиция с годами не изменилась, важно также, что здесь он совсем не говорит о «харчевном интересе», а приводит иную

---

<sup>6</sup> Подробнее см. об этом: [Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка].

мотивацию своего творчества. Он называет наиболее авторитетных, с его точки зрения, писателей современности, которыми нужно гордиться, – это Гл. Успенский, Н. Н. Златовратский, И. А. Салов. «Они отринули все лохмотья и декорации старинной выдохшейся эстетики и служат боевую службу. <...> Что вся эта школа слишком серьезно взялась за изучение народа и не хочет преклониться перед порнографически-эстетическими требованиями публики» – их основная заслуга, благодаря им в литературе торжествует «сиволапый беспортошный мужик» [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 824]. Мамин не отрицает и так называемое «чистое художество», но полагает, что «есть другой ряд явления и вопросов, которым должна быть придана беллетристико-публицистическая форма. Именно так я и пишу: Кесарево Кесареви, а Богово Богови»; «...ряд серьезных статей никто не читает, а беллетристику читают все. <...> Конечно, они имеют временный интерес, интерес минуты, с которой и умрут, но я за вечными истинами и не гонюсь, как не гонюсь и не желаю того, что называется “славой”. Мы – рядовые солдаты, и только» [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 825]. Он вспоминает мысль А. Н. Веселовского о том, что «всякая литература есть создание известного народа и известного времени» (не упоминая имя ученого), и, сопоставляя себя с Золя, заявляет, что различия между ними определяются абсолютным различием в условиях жизни: «Один человек стоит в центре европейской цивилизации, где учатся, ходя по улицам и дыша парижским воздухом, а другой – в стране гогов и магогов, где процветает “Екатеринбургская неделя”» [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 825]. Стоит заметить в скобках, что признание детерминации литературного творчества обстоятельствами жизни автора, его «средой», уже сформулированное культурно-исторической школой, разделяли тогда многие критики, в частности, упомянутый выше Скабичевский, утрированно назвавший Мамина «лесным писателем».

В своем письме Мамин не отвергает «салонную» литературу, но сравнивает русскую изящную словесность с «мальчиком без штанов» Салтыкова-Щедрина: для нее нет обязательных законов и правил, она легка на подъем и легко меняет свои правила. В заключение он ставит вопрос о читателе – кому служит и должна служить литература, подчеркивая: «...а мы останемся с своим мужиком» [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 826]. Как видим, здесь определено его не только идейное, но и эстетическое кредо: изображение народной жизни, а также многих явлений современной жизни требует беллетристически-публицистической формы, в которой Мамин и писал всю жизнь, поскольку она позволяла отразить новые, еще не всем видные явления и процессы жизни, как скажем, разрушение ее старых форм и рождение новых, буржуазных, а кроме Мамина

об этом тогда романов никто и не писал<sup>7</sup>. «Для меня лично писать романы – прямой убыток, но что будешь делать, если у человека такое уж “влечение – род недуга”», – говорит он, посылая в редакцию «первую половину своего романа» «Три конца» (5 февраля 1890 г.) [Архив В. А. Гольцева, с. 309].

В продолжение этой темы сошлемся на записанное Фидлером признание Мамина: «Обилие материала подавляет меня!.. Я не пишу так, как пишут Чехов и Короленко: я просто рассказываю, воспроизвожу. У меня *нигде нет* отделки, и я не употребляю красивых слов» (от 6 октября 1898 г.) [Фидлер, 2008, с. 224]. Не менее интересна еще одна запись Фидлера, где Мамин характеризует свой творческий процесс, опирающийся на определенные особенности его натуры: «Главное в нашей работе – память и умение собраться с мыслями, направив их в одну точку. Я могу участвовать в общей беседе, задавать вопросы и отвечать, но при этом думать о другом, постороннем предмете, мысленно подвергая его литературной обработке. А когда я пишу, то могу остановиться на середине предложения и снова вернуться к нему через неделю, чтобы дописать до конца, – как будто я и не откладывал перо в сторону. Этому искусству всегда держать свои мысли в собранном виде я научился в духовной семинарии, где мы жили по шестнадцать человек в комнате и где я заразился тифом» [Фидлер, 2008, с. 226]. Оказывается, что даже характер письма автора может быть обусловлен его воспитанием и окружением в ранние годы жизни, и писатель-разночинец Мамин-Сибиряк прекрасно осознавал это.

Обозначенная позиция Мамина на фоне тогдашнего литературного процесса не выглядит однозначно. Он сам, как мы видим, причислил себя к беллетристам народнического толка, и для него это важно. Однако летами, кругом общения, обилием создаваемых текстов, неприхотливостью в их пристраивании он и в 1890-е гг., когда прочно обосновался в Петербурге, вполне соотносим с обозначенным выше «новым» литературным поколением (несмотря на очевидное взросление или старение последнего), и характерна его переписка с М. Н. Альбовым, который в 1888 г. вместе с К. С. Баранцевичем задумал собрать сборник памяти Гаршина, назвав его «Красный цветок»<sup>8</sup>. Это поколение

---

<sup>7</sup> Пожалуй, лучшая статья о Мамине как изобразителе нового капиталистического строя и новых порядков жизни принадлежит В. П. Альбову [Альбов, 1900].

<sup>8</sup> См. письмо М. Н. Альбова (за подписью также К. С. Баранцевича и В. С. Лихачева) к Д. Н. Мамину-Сибиряку с приглашением участвовать в сборнике от 18 апреля 1888 г. (РГАЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 82). Писатели тогда разделились на 2 группы, поскольку народнические критики и писатели под водительством Я. В. Абрамова также стали издавать подобный сборник. В итоге Мамин опубликовал свой рассказ в «Красном цветке», а Чехов – в абрамовском сборнике «Памяти Гаршина» (оба вышли в 1889 г.).

было значимо не только тем, что запечатлело «упадочную» атмосферу своего времени и породило Чехова, но и особым характером социальности творчества писателей, обращенного, главным образом, к мелким слоям городского населения (зачастую это был именно Петербург), оно создавалось «второстепенными» писателями (беллетристами) и носило отчасти массовый характер, обнаруживая известную XX веку стратификацию литературы. Большинство писателей этого круга, как и Мамин, жили за счет своего письма. Создававшаяся в литературе новая «рыночная» ситуация вызывала беспокойство со стороны лидеров народнической и демократической печати. Так, в «Очерках русской жизни» Н. В. Шелгунов писал о распространении в литературе «средней жизни», опускающей «петербургского человека» «все ниже и ниже... все серее и однороднее». Для нового петербургского читателя, поднявшегося из низов, «появляется новый дешевый литератор, литератор-ремесленник, который смотрит на свое дело только как на простой механический заработок. <...> Литература стала рынком труда» [Шелгунов, 1891, с. 181]. Таким образом, то, что для Мамина было естественным и нормальным, для Шелгунова, да и всего круга «Русской мысли», оказывалось низкопробным и пошлым давлением текущей жизни. Тем не менее, Мамин долго переписывался с В. А. Гольцевым, сотрудником редакции журнала, которому 19 февраля 1887 г. довольно резко писал следующее: «Относительно моего сотрудничества как в “Русской мысли”, так и в других изданиях, скажу одно, что с удовольствием отказался бы от этого удовольствия... Кроме седых волос и пошлой газетной ругани я ничего не получил, и нужно позаботиться о другом “роде жизни”. Бог с ней, с русской литературой, которую расценивают теперь с вершка и с пуда: такой-то столько-то написал, а такой столько... <...> Не подумайте, что я мню сравняться с представителями “плеяды” или с такими талантами, как Короленко, – нет, всякому сверчку свой шесток, а мы простые “ратники” (рыба такая есть в Волге). Зачем же это вечное глумление и явная несправедливость, грязное кумовство и литературное сводничество? Нельзя же постоянно плевать в лицо человеку только за то, что он работает больше других... Наживание денег литературой, как Вам неизвестно, самый неверный расчет...» [Архив В. А. Гольцева, с. 305]<sup>9</sup>.

Однако резкостей в письмах редакторам и сетований по их поводу родственникам с годами в переписке Мамина становится все меньше. Он обретает уверенность и уже не именуется себя «литературным кустарем», а если

---

<sup>9</sup> Раздражение Мамина было вызвано тем, что «Русская мысль» в 1887 г. отвергла пьесу Мамина «Золотопромышленники» и роман «Именинник», то и другое произведение в итоге были напечатаны в «Наблюдателе». Но в «Русской мысли» все-таки были опубликованы «уральский» роман «Три конца» (1890) и «Хлеб» (1895).

высказывается о своих произведениях, то достаточно спокойно, как о некой неоспоримой данности. Например, об «Аленушкиных сказках»: «Это моя любимая книжка – ее писала сама любовь и поэтому она переживет все остальное» (матери, 15 декабря 1896 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 528]; «Если бы я был богат, то посвятил бы себя именно детской литературе. Ведь это счастье писать для детей и чувствовать напряженное внимание тысяч детских головок, которые будут ловить каждое слово и дарить автора своими чистыми детскими улыбками. Как я счастлив, дорогая Александра Аркадьевна, что у меня есть Алёнушка и что я могу работать для нее...» (А. А. Давыдовой, редактору-издателю журнала «Мир Божий», 30 июля 1894 г.)<sup>10</sup>; «Мамин спросил меня, какой из его рассказов мне нравится больше всего, и я сказал: “Великий грешник”. Тогда он обнял меня и воскликнул: “Да, ты прав; только ты да еще одна женщина попали в точку! Это воистину шекспировские образы!” Одной из своих самых удачных вещей считает также “Последнюю муху” (из “Аленушкиных сказок”). “Еще ни один писатель не затрагивал этой темы, а ведь в ней столько жизненной правды!”» (запись от 16 марта 1898 г.) [Фидлер, 2008, с. 217]. Он трезво оценивает свои тексты, в том числе давние: «Из своих романов он любит “Золото”, “Хлеб” и “Три конца”; ему не нравятся “Горное гнездо” и “Приваловские миллионы”. О последнем романе сказал: “Стеклашки в мешке”» (запись от 25 ноября 1898 г.) [Фидлер, 2008, с. 237]. В течение 1890-х гг., по мере «усыхания» сугубо уральских тем, Мамин все чаще обращается к более универсальной, общечеловеческой проблематике, среди которой едва ли не первое место начинает занимать тема воспитания. 29 июня 1894 г. он пишет А. А. Давыдовой по поводу публикации романа «Без названия»: «Пожалуйста, не слушайте, если будут говорить, что роман не интересен. Во-первых, не следует подлаживаться под публику, а во-вторых, и тема совсем не такая. Я пишу для самообразования, а не для тех, кто ищет только развлечения. Как автору, мне выгоднее пикантные темы, но всему свое время и место» [цит. рукопись]. Наконец, стоит привести оценку Маминым своей личности: «В числе величайших благ, которые я получил от природы – это полное отсутствие зависти, тщеславия и гордости. И на этом основании я всегда доволен тем, что есть» (19 сентября 1901 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 625].

Самоосмысление – себя и своей роли в литературе, а также меняющегося времени, за которым приходится поспевать писателю, отражают письма Мамина: «Я потихоньку работаю, больше для детских журналов. Больших статей не пишу.

---

<sup>10</sup> Письма Мамина-Сибиряка к разным лицам, рассеянные по архивным хранилищам страны, должны войти во 2-ой том Писем, который на данный момент готовится к изданию И. В. Юговым. Цитируем по рукописи данного издания: [цит. рукопись].

Их время прошло. Писателю долго писать, а читателю долго читать... Как-то даже страшно вспомнить, что я когда-то написал “Приваловские миллионы”, “Хлеб” и другие романы... Наступили вообще какие-то короткие времена... Нужно появление нового Толстого или Достоевского, чтобы заставить публику читать трехэтажные романы» (27 декабря 1907 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 741]. Он пишет уже, как осознает сам, «не по-прежнему», ибо «да и откуда наберешь материалов, сидя в Царском Селе. Приходится перебирать старое или придумывать» (28 января 1908 г.) [Мамин-Сибиряк, 2024, с. 742]. Собственно, в 1900-е гг., особенно в их второй половине, многие писатели-восьмидесятники из прежнего «молодого поколения» чувствовали себя устаревшими и ненужными. Вот, например, цитата из письма М. Н. Альбова: «Новые птицы, новые песни, а старая птица поет все же по-своему и уже трудно ей переучиваться» (14 мая 1901 г.) [Альбов, 1901]. Своего рода итоговое замечание Мамина относится к 2 марта 1912 г. (из письма А. Ю. Анненскому): «Все, что я умел и мог сказать, мною сказано в моих сочинениях, которых, если собрать все вместе, наберется до 100 томов, а издано около 36» [цит. рукопись]<sup>11</sup>.

Наиболее известно высказывание Мамина-Сибиряка из письма М. В. Эртель (22 ноября 1894), вошедшее также в роман «Черты из жизни Пепко»: «Я люблю писать, потому что переживаю всё, что пишу. Личная жизнь такая маленькая и так хочется жить тысячью жизней, что исполнимо только на бумаге. И это величайшее счастье, потому что начинаешь смотреть на себя самого как-то со стороны и теряешь всякую непосредственность» [цит. рукопись]. В романе «Черты из жизни Пепко» начала 1890-х гг. он как раз и показал себя со стороны, представив свой ранний писательский и жизненный опыт в образах двух героев-двойников – Василия Попова и Агафона Попова или Пепко. Но это уже другой сюжет, хотя не менее интересный [см.: Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка, с. 1166–1171].

Мамин-Сибиряк не был простым писателем, да и есть ли таковые в мировой литературе?... Урал навсегда остался для него не просто родиной, но источником сил и вдохновения, однако, покинув его в начале 1890-х гг., Мамин туда уже не вернулся и достаточно органично влился в петербургскую литературную жизнь. И в 1880-е, и в 1890-е гг. он являл собой тип писателя-разночинца, который своим трудом и волей выбился из полунищенского существования и обрел

---

<sup>11</sup> Комментируя высказывание Мамина, Б. Д. Удинцев указывал, что, по приближительному подсчету, общее количество напечатанных произведений Мамина-Сибиряка составляет 514, в том числе 14 романов. 2(15) ноября 1912 г. Д. Н. Мамин-Сибиряк скончался.

необходимый достаток, поэтому столь важным для него был вопрос о гонорах. Это именно писатель-беллетрист, берущий знанием материала и умением давать фактурные образы-характеры, увлекательные сюжеты; он принципиально «не Чехов»<sup>12</sup>, что неоднократно подчеркивал сам; он не гнушался разъяснять читателю, как добывают на Урале самоцветы и какова в Петербурге судьба бедных девушек-«Аннушек». «Беллетристико-публицистическая форма» произведений Мамина-Сибиряка, которой он гордился, востребована и сегодня: Мамин имеет своего читателя и из всех писателей-восьмидесятников, пожалуй, именно он стоит после Чехова на лестнице читательского спроса и читательской памяти. Автокомментарий Мамина к своим текстам, взглядам, позиции позволяет увидеть и оценить его личность, стратегию и тактику его творческого, да и житейского поведения – воссоздать своего рода «авторскую медитацию», о которой говорил Шлейермахер, определяемую массой разнообразных факторов эпохи, культуры, социума.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Альбов, В. П.** Капиталистический процесс в изображении Д. Н. Мамина-Сибиряка. (Критический очерк) / В. П. Альбов // Мир Божий. – 1900. – № 1. – С. 112–135; № 2. – С. 62–94.
2. **Альбов, М. Н.** Письма Познякову Н. И. / М. Н. Альбов // РГАЛИ. – Ф. 401. – Оп. 1. – Д. 10.
3. **Архив В. А. Гольцева:** Т. 1 / В. А. Гольцев. – Москва: Книгоиздательство писателей, 1914. – 316 с.
4. **Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников.** – Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1962. – 351 с.
5. **Гадамер, Х.-Г.** Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – Москва: Прогресс, 1988. – 704 с.
6. **Дергачев, И. А.** Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. / И. А. Дергачев. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2005. – 283 с.
7. **Колтоновская, Е.** В стороне от главного русла. Д. Н. Мамин-Сибиряк / Е. А. Колтоновская // Вестник Европы. – 1913. – № 2. – С. 199–219.
8. **Лейкина-Свирская, В. Р.** Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В. Р. Лейкина-Свирская. – Москва: Мысль, 1971. – 368 с.

---

<sup>12</sup> См. об этом [Созина, 2016].



9. **Мамин-Сибиряк Д. Н.** Переписка Д. Н. Мамина-Сибиряка с комментариями Б. Д. Удинцева: в 2 т. Т. 1: Переписка с родственниками / ред.-сост. И. В. Югов / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Москва: Изд-во «Перо», 2014. – 1086 с.
10. **Скабичевский, А.** Русская литература в 1885 году / А. М. Скабичевский // Русские ведомости. – 1886. – № 1, 1 января.
11. **Скабичевский, А.** Литературная хроника / А. М. Скабичевский // Новости и биржевая газета. – 1889. – № 149, 2 июня.
12. **Скабичевский, А. М.** Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк / А. М. Скабичевский // Скабичевский А. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – Санкт-Петербург: Изд. Ф. Павленкова, 1903. – С. 600–640.
13. **Созина, Е. К.** Искусство рассказа: Д. Мамин-Сибиряк и А. Чехов / Е. К. Созина // Русская словесность. – 2016. – № 5. – С. 39–47.
14. **Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка** // История литературы Урала. XIX век: в 2 книгах / Под ред. проф. Е. К. Созиной. Кн. 2. – Москва: Издательский Дом ЯСК, 2020. – С. 1105–1260.
15. **Фидлер, Ф. Ф.** Из мира литераторов: характеры и суждения / Вступ. ст., сост., пер. с нем. К. М. Азадовского / Ф. Ф. Фидлер. – Москва: Новое литературное обозрение, 2008. – 864 с.
16. **Чехов, А. П.** Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / А. П. Чехов. – Москва: Наука, 1976. – Т. 3. – 575 с.
17. **Шелгунов, Н. В.** Очерки русской жизни / Н. В. Шелгунов // Русская мысль. – 1891. – № 4. – С. 174–192.
18. **Шлейермахер, Ф.** Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского / Ф. Шлейермахер. – Санкт-Петербург: «Европейский Дом». 2004. – 242 с.

#### REFERENCES

1. **Al'bov, M. N.** Pis'ma Poznjakovu N. I. / M. N. Al'bov // RGALI. – F. 401. – Op. 1. – D. 10.
2. **Al'bov, V. P.** Kapitalisticheskij process v izobrazhenii D. N. Mamina-Sibirjaka. (Kriticheskij ocherk) / V. P. Al'bov // Mir Bozhij. – 1900. – № 1. – S. 112–135; № 2. – S. 62–94.
3. **Arhiv V. A. Gol'ceva:** T. 1 / V. A. Gol'cev. – Moskva: Knigo izdatel'stvo pisatelej, 1914. – 316 s.
4. **Chehov, A. P.** Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. / A. P. Chehov. – Moskva: Nauka, 1976. – T. 3. – 575 s.
5. **D. N. Mamin-Sibirjak v vospominanijah sovremennikov** / D. N. Mamin-Sibirjak. – Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izd-vo, 1962. – 351 s.

6. **Fidler, F. F.** Iz mira literatorov: haraktery i suzhdenija / Vstup. st., sost., per. s nem. K. M. Azadovskogo / F. F. Fidler. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 864 s.
7. **Gadamer, H.-G.** Istina i metod / H.-G. Gadamer. – Moskva: Progress, 1988. – 704 s.
8. **Dergachev, I. A.** D. N. Mamin-Sibirjak v literaturnom processe 1870–1890-h gg. / I. A. Dergachev. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2005. – 283 s.
9. **Koltonovskaja, E.** V storone ot glavnogo rusla. D. N. Mamin-Sibirjak / E. A. Koltonovskaja // Vestnik Evropy. – 1913. – № 2. – S. 199–219.
10. **Lejkina-Svirskaja, V. R.** Intelligencija v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka / V. R. Lejkina-Svirskaja. – Moskva: Mysl', 1971. – 368 s.
11. **Mamin-Sibirjak, D. N.** Perepiska D. N. Mamina-Sibirjaka s komentarijami B. D. Udinceva: v 2 t. / red.-sost. I. V. Jugov / D. N. Mamin-Sibirjak. – T. 1: Perepiska s rodstvennikami. – Moskva: Izd-vo «Pero», 2014. – 1086 s.
12. **Skabichevskij, A.** Russkaja literatura v 1885 godu / A. M. Skabichevskij // Russkie vedomosti. – 1886. – № 1, 1 janvarja.
13. **Skabichevskij, A.** Literaturnaja hronika / A. M. Skabichevskij // Novosti i birzhevaja gazeta. – 1889. – № 149, 2 ijunja.
14. **Skabichevskij, A. M.** Dmitrij Narkisovich Mamin-Sibirjak / A. M. Skabichevskij // Skabichevskij A. M. Soch.: v 2 t. – T. 2. – S.-Peterburg: Izd. F. Pavlenkova, 1903. – S. 600–640.
15. **Sozina, E. K.** Iskusstvo rasskaza: D. Mamin-Sibirjak i A. Chehov / E. K. Sozina // Russkaja slovesnost'. – 2016. – № 5. – S. 39–47.
16. **Shelgunov, N. V.** Ocherki russkoj zhizni / N. V. Shelgunov // Russkaja mysl'. – 1891. – № 4. – S. 174–192.
17. **Shlejermaher, F.** Germenevtika / perevod s nemeckogo A. L. Vol'skogo / F. Shlejermaher. – S.-Peterburg: «Evropejskij Dom». 2004. – 242 s.
18. **Tvorcestvo D. N. Mamina-Sibirjaka** // Istorija literatury Urala. XIX vek: v 2 knigah / Pod red. prof. E. K. Sozinoj. Kn. 2. – Moskva: Izdatel'skij Dom JaSK, 2020. – S. 1105–1260.